

Экспедиционный дневник
Д.Г. Мессершмидта.

Забайкалье.

Май 1724 г. - февраль 1725 г.

Сибирское отделение Российской академии наук
Правительство Забайкальского края
Институт природных ресурсов, экологии и криологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Министерство образования и науки Забайкальского края
Забайкальское региональное отделение Русского географического общества
Этно-археопарк «Сухотино»

Экспедиционный дневник Д. Г. Мессершмидта

Забайкалье

Май 1724 года – февраль 1725 года

Чита
2024

УДК 910
ББК 26.89(253.5)
Э 41

*Издание осуществлено в рамках Года науки в Забайкальском крае,
посвященного 300-летию Российской академии наук
и 300-летию первой научной экспедиции
Даниэля Готлиба Мессершмидта в Забайкалье*

*Утверждено к печати Ученым советом Института природных ресурсов,
экологии и криологии Сибирского отделения Российской академии наук.*

*Подготовлено в рамках реализации Плана мероприятий
Года науки в Забайкальском крае.*

Рецензенты:

Докт. ист. наук **А.В. Харинский**
(Иркутский национальный исследовательский технический университет).

Докт. ист. наук **А.В. Константинов**
(Забайкальский государственный университет).

Печатается по:

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727.
Herausgegeben von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. Teil 3. Mai 1724 – Februar
1725. – Akademie –Verlag, Berlin, 1966. – 285 s.

Э 41 **Экспедиционный дневник Д.Г. Мессершмидта.** Забайкалье. Май 1724 года –
февраль 1725 года / под ред. О.В. Корсуна, сост. Н.О. Викулова. – Чита: Экспресс-
издательство, 2024. – 256 с., ил.

ISBN 978-5-9566-0547-9

Издание представляет собой перевод на русский язык фрагмента Дневника Даниэля Готлиба Мессершмидта – первого ученого-исследователя Сибири. Текст включает дневниковые записи, которые велись Д.Г. Мессершмидтом в период пребывания в Забайкалье (а также на приграничных территориях Китая и Монголии) с 7 мая 1724 г. по 23 февраля 1725 г. В Дневнике приводятся сведения о маршруте учёного, его научных исследованиях, природных особенностях Забайкалья, а также характеристики людей, с которыми встречался автор Дневника, и его размышления на различные темы, в том числе об организации исследований и хозяйственной деятельности на описываемой территории.

ISBN 978-5-9566-0547-9

УДК 910
ББК 26.89(253.5)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
От Удинска до Бультурукских юрт (Bulturuk-Jurten) в Западной Даурии (7.5.1724 – 21.5.1724)	8
Через Удинскую степь (Uda-Steppe) к Укыр-нору (Ukyr-nor) (22.5.1724 – 11.6.1724).....	27
От Укыр-нора до Читинска (12.6.1724 – 25.6.1724).....	46
Путешествие по рекам Ингода и Шилка до Нерчинска (26.6.1724 – 22.7. 1724).....	58
В Нерчинске (23.7.1724 – 11.8.1724)	84
Через Ононскую степь к серебряным рудникам Аргуни (12.8.1724 – 5.9. 1724)	97
К озеру Далай-нор на границе с Китаем (6.9.1724 – 17.9.1724)	118
От Далай-нора к горе Муки (Muhky-Gebirge) на монгольской границе (18.9.1724 – 7.10.1724).....	133
Из китайского плена к реке Онон (8.10.1724 – 22.10.1724)	150
В Читинск (23.10.1724 – 10.11.1724).....	164
Зимовка в Читинске (11.11.1724 – 23.2.1725)	183
Иллюстрации.....	244
Приложение. Старинные меры длины и веса, использовавшиеся автором (ред.)	253

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Забайкальском крае 2024 год решением губернатора А.М. Осипова был объявлен Годом науки. Данное решение связано с 300-летием первой научной экспедиции на территории Забайкалья под руководством Д.Г. Мессершмидта и 300-летием создания Петербургской (Российской) Академии Наук. В этом году в Чите состоялись научные конференции – «Эволюция биосферы и техногенез», «300 лет научных исследований в Забайкалье» и Российская археолого-этнографическая конференция (РАЭСК-LXIV) «300-летие научной экспедиции Д.Г. Мессершмидта в Забайкалье», которые сопровождались экспедициями и экскурсиями по маршруту Мессершмидта.

Также впервые осуществлён перевод с немецкого языка раздела «Дневника» Д.Г. Мессершмидта, посвящённого экспедиции в Забайкалье. Этот дневник был издан на языке оригинала Берлинской академией наук (ГДР) совместно с Институтом истории, естествознания и техники АН СССР в 1962–1969 годах в пяти томах под общим названием D.G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. (Путешествие по Сибири с целью её исследования). Однако, изданный на языке оригинала и выпущенный небольшим тиражом, «Дневник оставался малодоступным для широкого читателя.

Тем не менее, появление «Дневника» вызвало живой интерес со стороны учёных, в том числе и в Сибири. Этот интерес усилился в 2020 году в связи с 300-летним юбилеем начала экспедиции в Сибирь. По мере «продвижения» юбилейной даты на восток она последовательно отмечалась в сибирских регионах с охватом специалистов различных направлений. «Движение» юбилея по Сибири сопровождалось конференциями и изданием региональных страниц «Дневника». В 2024 году эту эстафету подхватил Забайкальский край.

Даниэль Готлиб Мессершмидт (16.9.1685, Данциг – 25.3.1735, Санкт-Петербург) – немецкий учёный из Данцига, доктор медицины, приглашённый Петром I на русскую службу для выполнения работ по специальности и прежде всего для исследования природных богатств Российского государства. В 1718 году появился указ Петра I об отправке Мессершмидта в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы». Президент Медицинской канцелярии И.Д. Блюментрост поручил ему также исследование сибирской фауны и выявление месторождений полезных ископаемых.

Д.Г. Мессершмидт был удачной кандидатурой для решения столь сложных задач. В нём сочетались разносторонние научные знания, исключительная добросовестность в работе и страстная заинтересованность исследователя. Впоследствии, уже находясь в Сибири, он по собственной инициативе включил в план работ исследования в области географии, истории, археологии, этнографии, а также изучение языков.

Как известно, Забайкалье (Мессершмидт называет его Даурией), стало последним регионом на востоке, которого достиг исследователь. Он пробыл здесь с мая 1724 по февраль 1725 года. Заметим, что всё это время Мессершмидт был единственным научным сотрудником экспедиции и выполнял массу взятых на себя

дополнительно задач. В пути его сопровождали слуга Петер Кратц, двое «карымских» юношей – Григорий и Герасим, выполнявшие его поручения по сбору материала, денщики – Андрей, Данила, Михайла. К отряду прикреплялись «подводчики» – буряты, казаки, солдаты. Для передвижения экспедиция использовала сани, двухколёсные повозки, для сплава по Ингоде и Шилке – плоты.

В конце февраля 1724 года Мессершмидт выехал из Иркутска, пересёк Байкал и по долине Селенги достиг Удинска (Улан-Удэ), совершил поездку в Селенгинск и снова вернулся в Удинск. Согласно ранее намеченному маршруту, путь учёного проходил через Читинск (Читу) на Нерчинск, который в то время был центром управления края. Выйдя из Удинска 6 мая и двигаясь степью вдоль долины Уды, экспедиция останавливалась в бурятских улусах, где меняла лошадей. Здесь учёному представился случай подробно ознакомиться с устройством и убранием бурятских юрт, описание которых дано на страницах «Дневника».

Достаточно долго, 12 дней, экспедиция находилась на берегах оз. Укыр-Нор во время перелёта птиц. Здесь учёный увлёкся работами по орнитологии – снял шкурки с более 30 птиц, набил чучела. Также он описал и подготовил для коллекции гнёзда и яйца таких птиц как чайка, гагара, скопа, чибис, огарь, лысуха, цапля, сова, ворона, вальдшнеп, широконоска, дрофа и др. На берегах озера он встретил конных тунгусов, в отношении которых указал, что они отличались от оленных тунгусов одеждой и отсутствием татуировок на лицах. Каждую из показанных им птиц они называли на своём языке.

Озера Шакша-Нор Мессершмидт достиг 16 июня и здесь вновь задержался почти на неделю. Учёный едва успевал делать краткие описания птиц, снимать с них шкурки и вносить сведения в свою «Орнитологию». Помимо этого он активно занимался сбором растений. Еще раз учёный попал на озеро Шакша в конце февраля 1725 года, когда останавливался на Шакшинской заимке, принадлежавшей нерчинскому Успенскому монастырю.

Преодолев Яблоновый хребет, 24 июня Мессершмидт достиг Читинского острога или Плотбищенской слободы (поселения плотников или строителей лодок) – небольшого бедного местечка, расположенного по обе стороны реки Чита и соединённого мостовой переправой. Слобода, как он указывал на дома здешних жителей, насчитывала 18 дымоходов (или, скорее всего 15, так как 3 из них были пустыми). При этом в ней имелась небольшая церковь и жил приказчик, который отчитывался перед Нерчинском. От устья Читы сплав экспедиции продолжился на трёх плотках по Ингоде и Шилке.

Мессершмидт упоминает об остановках в Алентуйском остроге, заимках Ангашикан и Галкино. С помощью кочевавших поблизости тунгусов были организованы облавные охоты на косуль и исчезнувших к нашему времени в Забайкалье аргали («степных баранов»). Также были добыты и изучены антилопы дзерены, которые не были известны исследователю. Мессершмидт, не найдя в своих справочниках описание этого животного, сам придумал ему имя – *Capra campestris gutturosa, hydrophobos, Davurica*, описал и выполнил первый рисунок. На Ингоде Мессершмидт сделал интересное открытие – обнаружил раков, которые ранее в Сибири не были известны. Несколько экземпляров собрал в коллекцию для отправки в Петербург.

Нерчинск, куда Мессершмидт прибыл 22 июля, произвёл на него хорошее впечатление. Учёный указывает, что город лежит посреди прекрасной ровной степи, окаймлён вдали горами и очень привлекателен благодаря рекам Нерче и Шилке. Здесь он отмечает церкви - новую каменную и старую деревянную, Приказ, 200 домов и прекрасный рынок из 40 или 50 лавок. Отмечает, что земля вокруг достаточно плодородна, что довольно хорошо развито хлебопашество, но фруктовых деревьев не имеется. Со ссылкой на Адама Бранда он сообщает, что вокруг города повсюду проживают даурские тунгусы в количестве 6000 человек.

В Нерчинске Мессершмидт встретился с комиссаром Аргунского завода Т.М. Бурцевым, который помог ему наметить дальнейший маршрут путешествия. Учёный намеревался побывать на Аргунском заводе, исследовать берега Аргуни и озера Далай-Нор, которое, по словам Бурцева, находилось в российских пределах. Собранные за время путешествия коллекции по описи были отправлены из Нерчинска в Удинск.

Из Нерчинска Мессершмидт выехал 12 августа и, взяв направление на Аргунский сереброплавильный завод, 18 августа достиг реки Борзя. Здесь с помощью тунгусов была проведена облавная охота на обитавших в то время в Даурии (ныне полностью исчезнувших) куланов, которых Мессершмидт называл плодовитыми мулами, или, по-местному, зигитаями. За короткое время он подробно описал новый для него вид животных.

На Аргунский завод Мессершмидт прибыл 1 сентября. В сопровождении Бурцева осмотрел шахты, где добывали руду, а затем и сам завод. В дневнике он подробно описал процесс добычи руды и её выплавки с целью извлечения серебра. Бурцев передал Мессершмидту несколько образцов руды и других минералов.

По направлению к озеру Далайнор к границе с Китаем отряд выступил 6 сентября, а 10 сентября, двигаясь по ровной гладкой степи между реками Урулюнгуи и Хоркира (Хирхира – *авт.*), неожиданно натолкнулся на руины древнего заброшенного города. Осмотрев их, Мессершмидт дал краткое описание, указав размеры центральной постройки, назвав разновидности (с размерами) кирпичей, черепицы и т.д.

Переход до Далайнора занял девять дней. У северной оконечности озера, как раз в том месте, где протока соединяет озеро с Аргунью, был разбит лагерь. Мессершмидт попытался определить размеры озера, дать характеристику воды, которая содержала много минеральных солей и была малопригодна для питья. Во время пребывания на озере всё внимание его команды было сосредоточено на сборе растений и особенно семян.

От Далайнора отряд двинулся на запад, намереваясь выйти к Селенге. Но вдруг выяснилось, что ни монгольские подводчики, ни русские служилые люди не знают дороги. Поэтому Мессершмидт приказал двигаться в направлении к Онону. Путь пролегал по голой холмистой, покрытой солончаками, местности со скудной растительностью. В этих условиях нанятые подводчики ночью на лошадях покинули отряд, их обязанности легли на плечи самого Мессершмидта с оставшимися людьми. Им пришлось управляться с лошадьми, запряжёнными в телеги, заботиться о багаже, гнать табун. В конце сентября выпал снег, и они, по

словам Мессершмидта, оказались в голой степи, где уже нельзя было найти ни аргала, ни дров, как будто бы *«мы ощущали себя как в море или океане и изнемогали от холода»*.

Отряд Мессершмидта двигался на запад вдоль берега реки Ульдза, страдая от штормовых ветров, холода, лишь изредка встречая монгольские улусы. Таким образом, экспедиция оказалась в сложном положении, к тому же зашла на сопредельную китайскую территорию, что могло вызвать осложнения. В итоге люди Мессершмидта под конвоем 20 монголов были сопровождены до берега Онона (22 октября). Преодолеть ещё не ставший Онон удалось бродом с помощью тунгусских подводчиков. В то же время этот сложный многодневный переход сопровождался научными исследованиями.

Следующие 18 дней ушли на возвращение в Читинск, где экспедиция намеревалась завершить исследования и куда она прибыла 10 ноября. В Читинске Мессершмидт поселился в доме местного священника. Наступала зима с жестокими морозами, ему советовали не рисковать и отложить выезд до весны. Здесь, в Читинске, зимой учёный занимался описанием коллекций, их тщательной упаковкой. Здесь же, в Читинске, 21 января 1725 года Мессершмидту довелось испытать землетрясение. *«Вечером около 7 часов, – пишет он, – неожиданно, при совершенно тихой погоде, произошло довольно сильное землетрясение, которое потрясло весь острог, из-за чего я постоянно боялся, что моё жильё, будучи очень старым, может рухнуть, так как балки скрипели, а всё, что висело на стенах в комнате, двигалось, как маятник часов»*. Это были отголоски Великого Восточно-Сибирского землетрясения, эпицентр которого находился в Становом нагорье.

В середине февраля в Читинск вернулся тунгус Семён Верхоглядов, по заданию Мессершмидта занимавшийся охотничьим промыслом в верховьях Ингоды, он привёз двух убитых рысей. Теперь уже ни что не удерживало исследователя в Читинске, и он стал готовиться к отъезду в Удинск, который состоялся 24 февраля 2025 года.

«Дневник» Мессершмидта являет нам образ самоотверженного и неутомимого учёного эпохи Просвещения. С его страниц на наших современников смотрит смелый путешественник, внимательный наблюдатель, увлечённый и разносторонний исследователь. Чтобы оценить научный подвиг учёного, надо со вниманием погрузиться в текст «Дневника» Д.Г. Мессершмидта. Несомненно, введенные в научный оборот его забайкальские страницы станут одним из интереснейших научных источников о природе, истории и этнографии Забайкалья, будут способствовать расширению научного знания, послужат его просветительству.

А. В. Константинов.

*председатель Забайкальского регионального отделения
Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»,
доктор исторических наук, профессор*

**От Удинска до Бультурукских юрт
(Bulturuk-Jurten) в Западной Даурии
(7.5.1724 – 21.5.1724)**

7 мая 1724 года

Вдоль реки Уда, переправа через Березовку (бурятское название Онгозатай (Qngozalay)) и Грязнуху (Grjaznucha), в устье Средней Грязнухи (Дундаки Ирхельк) (Srednjaja Grjaznucha (Dundaky Irchelyck)); расстояние – 24 версты.

Рано утром, в половине шестого, подьячего Ивана Казанцева вызвали из приказа, чтобы составить меморандум о депонированных товарах, так как требовалось удовлетворить просьбу моего хозяина о защите имущества в его отсутствие. После того как все было приведено в порядок, меморандум отправили в приказ, и, в отсутствие комиссара Федора Андреевича Бейтона (см. запись от 2 мая), его передали назначенному заместителю через Данилу, который принял документ.

Около десяти с половиной часов утра я, с Божьей помощью, отправился в путь на легких лошадях (5 голов) из Удинска [Улан-Удэ] в устье реки Уда, следуя вдоль реки Селенга в направлении Плодбища (Plodbišče) [Читинск] и Нерчинска (Nerčinsk).

Воздух был ветреным, резким и пронизывающим. Почва оставалась полностью голой, сухой и песчаной. Местность была холмистой, с открытыми участками большой степи, местами поросшей *Pinu vulgaris*.

На участке у реки Березовка мы видели только *Pulsatillam vulgarem* с цветком голубоватым внутри, слегка беловатым и более крупным (*Tournefortii* sp. 1); также с цветком насыщенно-голубым снаружи и внутри, с листьями, как у *Арии* (возможно, *Tournefortii* sp. 5?), цветущей чаще густо; *Alysson rumilum*, с ушковатыми листьями, белыми цветками в соцветии, многолетнее; в сосновых лесах и на песчаных почвах с прямым корнем, уходящим глубоко вниз, без боковых корней; стебель почти всегда одиночный, редко с несколькими круглыми зелеными листьями, тесно прилегающими к почве, плотно расположенными, напоминающими листья маргаритки, с закругленными кончиками; затем растущими на стебле через малые интервалы и обнимающими стебель, ушковатыми, эллиптическими и заостренными впереди, бледно-зелеными с обеих сторон, едва крупнее листьев тимьяна, по краям неразделенными, не изрезанными; цветками в верхнем соцветии, маленькими, многочисленными, крестообразными, от слабо-розового до белого; без запаха; стручок небольшой, выпуклый и т. д.; которые, однако, следовало бы наблюдать в другое время в период зрелости. Так как это растение не было официально признано лекарственным и не проявляло каких-либо очевидных качеств, его не закладывали в гербарий, хотя у [нас] не было людей, способных это сделать, и не было бумаги, пригодной для этого в стране.

В два с четвертью часа дня я пересек Грязнуху – небольшой ручей, расположенный неподалеку от впадения в реку Уда. Вскоре после этого мы оказались на болотистой местности, которая стала особенно сложным препятствием для наших истощенных лошадей в начале весеннего пути.

У впадения Средней Грязнухи в Уду я остановился на ночлег, так как частично

еще оставались вещи, которые нужно было записать, а также я хотел последить за дикими куропатками.

Тем временем Петер Кратц подстрелил *Numenius seu Arquatam maiorem Aldrovandii, Gesneri et Willughbeji*, который был самцом и весил 21 унцию и 6 драхм [652,5 г], однако из-за серьезного повреждения крыла его нельзя было сохранить. Кроме того, он подстрелил *Accipiterem Fringillarium seu Nisum recentiorum Willughbeji*, самку, которая весила 8 унций 4 драхмы и 2 скрупула [257,5 г] и все еще была жива. Оба этих вида уже были подробно описаны – первый в Орнитологии в томе 5, № 137, стр. 835, а второй в томе 7, № 161, стр. 1029, хотя оба с отличиями, свойственными своему полу. Так как в роду хищных птиц самки всегда более выдающиеся и благородные, чем самцы, и эта самка сильно отличалась как весом, так и размерами частей тела, то я еще раз полностью описал *Nisus recentiorum seu Accipiter Fringillarius*, самка в Орнитологии том 9, № 205, стр. 1392. Таким образом, с самого начала моего путешествия я сразу же был занят до полуночи.

8 мая 1724 года

Я остался здесь еще на один день, чтобы последить за куропатками, так как другие растения еще не появились.

Буряты называли *Numenius* (см. 7 мая) *Тотогулджен* (*Totoguldshèn*), а *Nisus* – *Карчегас* (*Kartschegás*), что в их языке обозначает всех ястребов.

К вечеру Петер принес мне несколько птиц, среди которых был *Picium varium*, самец, весом 3 унции [90 г], ранее описанный в Орнитологии том 2, № 56, стр. 270, и подготовленный для отправки. Также он добыл *Linariam roseam*, самец, весом 4 драхмы и 16 гранов [15,96 г], с описанием в томе 5 № 121, стр. 719. У этой птицы клюв был также прострелен. Далее была добыта *Parum longicaudam*, самка, весившая 2 драхмы, 2 скрупула и 10 гранов [10,6 г], также описанная в Орнитологии, том 5, № 122, стр. 724, и уже обработанная и отправленная в Петербург. Далее описан *Tetraonem Willughbeji*, самец, весивший 48 унций и 6 драхм [1462,5 г], уже упомянутый в Орнитологии том 2, № 58, стр. 286, и приготовленный для отправки. Также описан *Alaudam vulgarem*, самец, весивший 1 унцию, 2 скрупула и 10 гранов [33,1 г], также описанный в Орнитологии, том 5, № 117, стр. 696, и сохраненный 16 апреля, вместе с его гнездом, в котором было только три яйца, так как остальные яйца не удалось дождаться из-за извлечения гнезда. Гнездо было описано в Орнитологическом приложении, том 1, стр. 74; далее было описано гнездо *Anatis Boschadis maioris Willughbeji* в Орнитологии, том 1, № 29, стр. 104, и том 2, № 38, стр. 173, которые были описаны в Орнитологическом приложении, том 1, стр. 75; далее гнездо *Picae fariae vulgaris* вместе с 7 яйцами, которое было описано в Орнитологическом приложении, том 1, стр. 76; и также было гнездо *Pari coerulei Sibirici* (Орнитология, том 3, № 73, стр. 405), без яиц, описанное в Орнитологическом приложении, том 1, стр. 76 и отложенное.

Gallinas silvestres, или русские *степные курицы* (*Stepni Kuritzi*) так и не были доставлены, однако Петер принес большое количество различных перьев, оставленных хищными птицами, по которым невозможно было точно определить, к

какому виду птиц они относятся. Наконец, он также нашел в ближайших юртах недавно отросший олений рог, который был также отложен в сторону.

После того, как я записал все это в журнал и с большим трудом привел в порядок, я распорядился, чтобы на следующее утро мои люди отправились дальше с багажом, а сам лег спать около полуночи.

9 мая 1724 года

Переправа через четыре безымянные реки, устье реки Нарингорохон (Naringorochon); расстояние 14 верст.

Местность представляла собой ровную, открытую степь, окруженную на горизонте низкими холмами. Почва была сухой, песчаной, местами глинистой, с вкраплениями диких солей. Трава едва поднималась на высоту одного дюйма, и кроме *Pulsatilla coerulea* никаких других растений не было видно. Деревья полностью оставались без листвы; почки *Salicum*, *Betularum*, *Mespili folio Aprii laciniato* и подобных лишь начинали раскрываться.

Подводы из-за недостатка корма были настолько истощены и утомлены, что мне пришлось сделать остановку около полудня и ожидать прибытия новых подвод.

Только к двум часам дня прибыли новые лошади, и я смог продолжить путь.

Из-за восточного ветра воздух был крайне холодным, особенно на открытых степных просторах, и отсутствие крытого экипажа делало поездку весьма неприятной. Я даже почувствовал, как у меня начинает развиваться катар, поэтому решил остановиться на ночь в бурятских юртах и завершить записи наблюдений, сделанных 8 мая.

Местные буряты предложили мне калмыцкую овцу из своего стада, которую они называли *Хоннын* (Chonnyu). Они также сообщили, что источники реки Нарингорохон находятся немного дальше по нашему пути, слева, в горах.

Picus varius fasciatus rubicauda буряты называли *Чонто* (Tschontòh); *Tetrao betulinus* они называли *Хоро* (Choròh) – тетерев, *Accipiter Fringillarius* – *Киротчегой* (Kirotschegoi) – тетеревиный, *Grus* – *Токоро* (Tokoròh) – журавль, *Otis*, *Tarda avis* (самка) – *Тодок* (Tòdock), а *Mergus niger maximus*, *Anas nigra Aldrovandii* et *Willughbeji* – *Карагалон* (Karagalón), по-русски – бакланиха; *Otis seu Tarda avis*, *Masculus* – самца дрофы – называли *Цахалтух* (Tsachaltúh), а русские – степной петух, самку дрофы степная курица, *Ardea cinerea maior* – *Кокудегиллей* (Kokudegilléy) – цапля [Reiher]; *Ciconia nigra* – у русских аист (Орнитология, том 4, № 104, стр. 604) – *Чилинг* (Tschiling), «черный аист».

Мои люди нашли гнездо *Cornicis frugilegae nigrae* с пятью яйцами, которое также было описано в Орнитологическом приложении, том 1, стр. 77.

10 мая 1724 года

Определение местоположения на реке Нарингорохон; географическая широта 52° 7'.

Я провел весь день, работая над аннотациями, и не смог продолжить путь, так как экземпляры птиц должны были высохнуть прежде, чем я смогу их упаковать

для дальнейшего путешествия. Кроме того, нужно было обработать и очистить яйца.

(Описание *Androsaces angustifoliae villosae flore luteo*).

После того как я провел измерения, я занимался ботанизацией в степи на протяжении одного-двух часов, и обнаружил небольшое травянистое растение, высотой едва достигающее 2 футов, которое счел за *Androsace Alpina perenni*. Это узколистное многолетнее растение покрыто волосками (*Tournefortii* sp. 3). Корень многолетний, тонкий и мочковатый, вертикально уходящий вниз, снаружи он покрыт темной корой, легко снимающейся, внутри беловатый, без выраженного запаха или вкуса. Стебли выходят из корня в нескольких местах, прямостоячие, высотой около 1 фута 9 дюймов, округлые, большей частью красноватого цвета, сверху опушенные, не ветвистые и не разветвленные, в верхней части лишенные листьев.

Листья расположены плотно у основания, близко к земле, обхватывают стебли почти радиально, не горизонтально, но направлены вертикально, образуя шарик чуть больше горошины, который поддерживает стебель в центре. Листья небольшие, продолговатые, длиной 2,5 дюйма и шириной 0,7 дюйма, слегка мясистые, с цельным краем, заостренные, зеленые, гладкие, но снизу более бледные и покрытые волосками.

Цветки находятся на верхушке стебля, обычно три или даже четыре, со сходными лепестками, поддерживаются короткими черешками. Цветок располагается на пятичленной чашечке, опушенной, белой или молочной, с пятираздельным венчиком в форме блюдца, с округлыми лепестками и желтоватым центром, почти сжатым до маленького отверстия, диаметр которого составляет около 1,5 дюйма. Из трубки, напоминающей короткий, почти шаровидный сосуд, выходят пять небольших тычинок с желтыми пыльниками, не выступающие за пределы центра цветка.

Пестик находится в основании трубки между тычинками, напоминает иглу с плоской головкой, слегка приплюснутую сверху, снизу выпуклую, на вершине раскрывающуюся и содержащую маленькие продолговатые семена, которые на данный момент еще незрелые. Растение встречается на солнечных горных склонах.

Вечером Петер Кратц принес *Numenium Aldrovandii et Willughbeji seu Arquatam maiorem*, большую самку (см. 7 мая), весом 27 унций 6 драхм [832,5 г], которая уже была описана в Орнитологии, том 5, № 137, стр. 835, и поэтому была сохранена и подготовлена для отправки; также самку *Anatem Boschadem maiorem Willughbeji*, весом 30 унций 6 драхм 1 скрупул [923,75 г], которая была отдельно описана в Орнитологии, том 2, № 38, стр. 173, и тоже была сохранена и подготовлена для отправки. Кроме того, он принес самца *Anatem Querquedulam secundam Aldrovandii, primam Willughbeji*, весом 10 унций 6 драхм [322,5 г], который также был описан в Орнитологии, том 5, № 135, стр. 819, и тоже был сохранен.

Он также нашел гнездо *Oenanthes Vitiflorae Aldrovandii* (Орнитология, том 5, № 118, стр. 702) с четырьмя яйцами, которое было описано в Орнитологическом приложении, том 1, стр. 78, и, следовательно, было сохранено. Также он нашел гнездо *Motacillae flavae* (Орнитология, том 3, № 84, стр. 467), но принес только

одно яйцо из него, которое также было описано в Орнитологическом приложении, том 1, стр. 79.

(Орнитологическое описание *Otidis vel Tardae avis*.) Служивый Гаврила не стрелял, но принес мне обветренный скелет большой птицы, вероятно самца *Otidis vel Tardae avis Willughbeji*, которого, вероятно, убили хищные птицы ранее. Я осмотрел его скелет и записал размеры костей. Шейные и грудные позвонки, крестец с копчиком, лопатки с ключицами, воронья кость и грудина; ребра с поперечными отростками и эпифизами, соединенные с боковой частью грудины. Тазовая кость с серповидным отростком, идущим до анального отверстия, как у *Meleagride* или *Galloravone Willughbeji*, за исключением того, что *Sterni spina* или *vomer testudini* более вытянута и одновременно короче. Длина плечевой кости от лопатки до локтя – 8°4'0". Ноги от бедра до сильных и широких когтей составляют 20°7'5". Бедренная кость с надколенником перед коленом – 4°7'0", большеберцовая кость (которую орнитологи считают бедром) с малоберцовой – 7°6'0", плюсна без добавочных костей, длиной 5°9'0". Передние пальцы присутствуют, заднего пальца нет; внутренний палец соединен с первым сегментом среднего пальца, коготь которого (длиной 1°8'5") слегка заострен. Средний палец состоит из трех сегментов длиной 2°5'5". Наружный палец из четырех сегментов и когтя длиной 1°9'5". Перепонки между передними пальцами короткие, но толстые, темно-коричневые. Кожа на пальцах слегка вздутая и шероховатая, с углублениями и шершавыми участками. На подошве имеется характерный бугорок. Перья крыльев черные с сажистым оттенком, но у основания белые. Одиннадцатое перо короче остальных, как у птиц рода *Tetraonum*. Меньшие перья на крыльях белые в нижней половине и черные в верхней. Остальные перья с дымчато-серым оттенком у основания, но белые ближе к краю. Обратная сторона крыльев и перья на изгибе крыла также белые, с темными поперечными полосами на крыльях. Остальное состояние не позволяло дать полный анализ.

После того как я это записал, я лег спать около половины первого ночи.

11 мая 1724 года

Мои стрелки Гаврила и Петер Кратц должны были сегодня переправиться на плоту на другую сторону реки Уда, так как там была красивая местность и больше дичи.

Я же весь день провел за работой, не двигаясь с места.

Мой помощник Григорий (см. запись от 30 апреля) также отправился в поле и принес мне желтоватую высохшую водную лягушку *Ranam officinarum*, она же *Ranam aquaticam Aldrovandii et Jonstoni*, а также *Ranam aquaticam vulgarem, maculatam Merreti Pinacis*. Лягушка сохранила свою естественную позу так точно, что повторить это искусственно было бы затруднительно. Русские называли ее *лягушка*, татары – *Мага* (Magàh), а буряты – *Баха* (Bachà).

(Описание *Androsaces coronopifoliae glabrae*). В полдень я снова отправился на ботанические исследования и удачно обнаружил другой вид *Androsaces*, который я назвал *Androsace coronopifolia glabra*, с белыми цветочками, выходящими из розетки листьев: корень многолетний, тонкий, прямой, спускающийся вниз,

с несколькими боковыми корнями, снаружи коричневатый, внутри беловатый; листья, появляющиеся непосредственно от корня плотной группой, при этом не стелющиеся по земле, а большей частью вертикальные, почти в дюйм длиной (1°0'0" = 1 дюйм), с шириной около 0°1'0", преимущественно у основания слегка зубчатые, как у *Coronopori* или у листьев *Dentis leonis* и т. д., на концах заостренные, зеленые и гладкие с обеих сторон, иногда окрашенные в красноватый цвет, как будто под воздействием холода.

Из розетки выходит один, а иногда и несколько тонких гладких стеблей, округлых в сечении, длиной не более четырех дюймов (4°0'0"), часто зеленых с красноватыми пятнами ближе к корню. В верхней части стебля множество мелких листочков окружает его по кругу, образуя розетку, из которой выходят длинные тонкие цветоножки. На каждой цветоножке длиной около 6 линий (0°6'0") находится один цветочек с пятилопастным, гладким чашечным венчиком, абсолютно белого цвета, с пятираздельными лепестками, форма которых округлая с сердцевидной выемкой, радиусом около 1,5 линий (0°1'5"). Центр цветка желтоватый, суживающийся в узкое отверстие; трубка венчика короткая, слегка вздутая, бледно-желтая, напоминающая вершину иглы, с пятью маленькими тычинками, которые крепятся к внутренним стенкам трубки и скрыты от взгляда, не выходя за пределы центра цветка.

Пестик проникает к основанию трубки (почти не полностью) между тычинками, и переходит в небольшую чашевидную структуру, которая открывается сверху и высвобождает маленькие продолговатые, еще незрелые семена. Произрастает на солнечных склонах (может быть, это *Androsace orientalis Coronopifolio*, *Tournefortii*, *Coroll.*, sp. 2?).

Вечером около 8 часов Петер принес *Fuligulam primam Gesneri*, *Aldrovandii*, *Willughbeji*, самца, весившего 27 унций 1 драхму и 2 скрупула [816,25 г], который был уже описан в Орнитологии, том 1, № 1, стр. 1, хотя и неполно, поэтому его было решено описать заново в Орнитологии, том 9, № 206. Русские называют эту птицу *черная*, буряты – *Алак-чонгодок* (*Aláck-tschongodóck*); *Anatem Boschadem maiorem* – *Санно* (*Ssannóh*) – *кряква*; *Querquedula secundam Aldrovandii*, *primam Willughbeji* русские называют *чирок*, а буряты – *чирукой* (*Tschiruckói*); *Oenanthem seu Vitifloram*, которая в Саксонии называется *Steinflötsch*, а в Шлезии – *Steinflötsche*, они не знали, как назвать.

Перья птиц были к этому времени уже достаточно сухими, и я приказал их упаковать, чтобы на следующий день можно было отправиться в путь.

Сегодня я впервые услышал крик кукушки. Был ли это *species altera variegata maculosa*, я приказал своему слуге Петеру тщательно выяснить в лесу.

Кроваво-красное солнце закатилось в черно-туманные облака.

12 мая 1724 года

К устью реки Курба (Kurba); расстояние – 36 верст.

Мои вьючные лошади начали свой путь около 7 часов утра от реки Наринго-рохон, неподалеку от реки Уда. Я немного задержался.

Тем временем Петер нашел гнездо *Monedulae leucozonae*, описанной в Орни-

---

тологии (том 8, № 195), или, точнее, одно яйцо, которое находилось в дупле дерева (см. Орнитологическое приложение, том 1, стр. ***).

Кроме того, он принес самца *Turdum iliacum vel Tyladem maculis destitutum*, который весил 2 унции 2 скрупула и 16 гранов [63,46 г], но, к сожалению, его шея была настолько повреждена, что он не подходил для использования. Также он принес самца *Loxiam* (описанного в Орнитологии, том 6, № 156, стр. 990), весившего 1 унцию, 4 драхмы и 2 скрупула [47,5 г], что было слишком много для его вида. Еще он нашел *Regulum non cristatum*, вероятно, самого маленького из всех, описанного в Орнитологии, том 7, № 168, стр. 1082, самца, весившего 1 драхму и 2 скрупула [6,25 г], который уже был отправлен в Санкт-Петербург.

Я отдал приказ о сворачивании палаток и отправился в путь около полудня от источника Нарингорохон и реки Уда. Местность представляла собой полностью ровную и открытую степь, без единого куста до самого горизонта. Почва в некоторых местах была каменистой и сухой, а в других – солончаковой и темной, насыщенной влагой.

Ассперго (осадки) дикой соли местами образовывали слои толщиной с палец, белые и красивые на вид, но на вкус были пресными и безвкусными. Тем не менее, я заметил небольшие вкрапления нитратов, смешанных с квасцами. При нагревании селитра испарялась, а оставшаяся квасцовая соль мгновенно превращалась в вязкую пену, которая, после испарения влаги затвердевала в жженный квасец. Этот метод проверки может быть достаточным для путешественников, поскольку никто не возит с собой химическую лабораторию. Более точные исследования можно проводить в спокойных условиях в гражданской жизни. И, в конце концов, ученые и люди моего круга лучше всего подходят для мирного общества, а не для военной или иной активности.

(*Iris Tournefortii*). Примерно после 10–12 новых верст пути я проехал небольшой скалистый холм, прилегающего к реке Уда, и на котором росло несметное количество низкорослых ирисов с бледно-желтыми цветками (*Tournefortii* sp. 73). Этот холм протяженностью в одну версту был полностью покрыт ими. Корень многолетний, мясистый, с узловатыми горизонтально стелющимися отростками, продолговатый, с более толстыми вниз направленными боковыми корнями, снаружи бледно-коричневыми, внутри совершенно белыми и сочными. Корень не покрыт плотно сохнувшими волокнами листьев, как у луковичных растений, но довольно густо защищен плотной тканью. Стебель от каждого узла, часто с одного или двух узлов, одиночный, округлый, с очень короткими междоузлиями, коленчатый, совсем низкорослый, едва достигающий высоты одного поперечного пальца, совсем не оголенный. Листья растут непосредственно от основания корня, по одному из каждого узла стебля, охватывая стебель и друг друга. Они продолговатые, часто длиной 6 пальцев, иногда короче, шириной в основном 1,5 пальца, постепенно сужающиеся к концу, плоские, ярко-зеленые с обеих сторон, слегка блестящие, гладкие, скрывающие стебель в своих влагищах. Цветок одиночный на вершине каждого стебля, без листового чашелистика, но с небольшим утолщением, заключенным в листовые влагища. Цветок лилиевидный, воронковидный, бледно-желтый, с шестью лепестками; три из которых более широкие,

загнуты вниз и покрыты желтым ворсистым краем с фиолетовыми или пурпурными прожилками, три другие – более узкие, направлены вверх и менее окрашены, без ворсистого края. Всего три тычинки, они поднимаются из основания цветка, покрыты ворсистым краем и снабжены белым ланцетовидным наконечником. Пестик находится в центре среди тычинок и выходит из вершины чашелистика, сначала округлый и белый, затем распадается на три лепестковидных образования, похожие на флаг у цветков бобовых, которые сворачиваются вниз, поддерживая тычинки, как язык, и заканчиваются тупым концом, сверху же снабжены двумя небольшими заостренными придатками, напоминающими ушки, которые направлены вперед. После увядания цветочная чашечка постепенно увеличивается, выходит из влагалищ листьев и становится трехгранной мембранной капсулой, продолговатой, с семенами, находящимися в трех отделениях, которые при созревании раскрываются, выбрасывая семена; вкус корня немного жгучий; запах цветка слегка козлиный.

(*Ornithogalum luteum*). Далее, на плоской, слегка нитрозной почве, местами проявлялся вид *Ornithogali*, карликовый, с травянистыми листьями, с желтыми колосовидными соцветиями, полевой (возможно, это *Ornithogalum angustifolium bulbiferum* Caspar Bauhini Pinax 71, *Tournefortii* sp. 23, или *Ornithogalum angustifolium campestre luteum minimum* в Column. Esphr. том 1, стр. 323?). Корень луковичный, небольшой, едва достигающий размера горошины, округлый и белый, снизу с несколькими длинными, тонкими корнями, напоминающими бороду. Он сочный, с легким луковым запахом. Стебель короткий, едва достигающий 2°5'0", прямостоячий, тонкий, зеленый. Листья, наиболее плотные у корня, расположены поочередно на стебле, редкие, почти травянистые. Они не полые, длиной около 4°0'0", шириной около 0°1'0", насыщенно-зеленые, постепенно укорачиваются к верхушке стебля, где едва достигают 0°7'0".

Цветок одиночный, расположенный на верхушке стебля, обычно имеет шесть лепестков, радиально симметричный, без чашечки. Лепестки продолговатые, длиной около 0°4'0", шириной около 0°1'0", заостренные к концу. Внутренняя сторона лепестков ярко-желтая, а внешняя слегка коричневатая. Тычинок шесть: три из них с небольшими вершинами, а три другие немного крупнее и желтые, плотно окружающие пестик. Пестик располагается между тычинками, продолговатый, слегка округлый, заканчивается короткой трубкой (возможно, это рыльце по Райо) и тройной головкой желтого цвета. Нижняя часть пестика переходит в удлиненную, призматическую треугольную коробочку, которая при созревании раскрывается на три части, высвобождая множество мелких семян.

(*Alysson Serpillifolium luteum*). Также было найдено *Alysson* – небольшое жесткое растение с листьями, напоминающими *Serpilli*, карликовое, с желтыми цветками (возможно, это *Alyssum incanum* с листьями *Serpilli* (*Tournefortii* sp. 3?) или *Alyssum officinarum*?). Корень многолетний, прямой, уходит вглубь, довольно толстый, частично покрытый боковыми корнями, снаружи бурый, внутри белый. Стебли, отходящие от корня, многочисленные и редко превышают длину в пять дюймов (5°0'0"). Они деревянистые, твердые, округлые, слегка пурпурные с серым налетом, время от времени разветвляющиеся на небольшие веточки. Листья

расположены поочередно с небольшими интервалами вдоль стебля, напоминающие листья серпиллы, продолговатые, длиной около 0°2'5", шириной 0°0'7", на концах слегка закругленные, светло-зеленые или сероватые, слегка жесткие и сухие. Цветки располагаются на верхушке стебля, образуя короткую метелку, желтые и крестообразные (с четырьмя лепестками). Лепестки сидят на четырехчленной чашечке; тычинки маленькие; пестик переходит в выпуклую, двусторчатую коробочку, разделенную на две части мембранной перегородкой и содержащую округлые семена. Это растение встречается на открытых солнечных равнинах, в сухих сосновых лесах и песчаных местах.

Из-за этих растений я задержался на несколько часов, но затем мы снова продолжили путь по ровной и твердой степи. Мы ехали быстрым галопом, что компенсировало время, потерянное на сбор растений.

Тем временем Петер отправился вперед и принес мне *Fuligulam primam Gesneri, Aldrovandii et Willughbeji*, самца, который весил 24 унции и 1 драхму [723,75 г] (см. 11 мая), а также самца *Querquedula primam Aldrovandi secundam Willughbeji*, известного как *Kernel Argentoratensium*, который весил 11 унций 4 драхмы и 2 скрупула [347,5 г]. Этот вид был точно описан в Орнитологии, том 6, № 159, стр. 1010, и потому был подготовлен для отправки в Санкт-Петербург. Русские называют *Querquedula* *каменный чирок*, или также *трескун*, самку – *трескунья*, а буряты – *чиронхул* (*Tschironchul*) (см. 11 мая).

13 мая 1724 года

Приблизительно 12 верст за озером *Иммукай-нор* (*Үмтүкэй-нор*); расстояние 12 верст.

Моим вьюкам было приказано двигаться вперед, и они были немедленно переправлены через реку Курба.

Река Курба, небольшая по своим размерам и обычно шириной около 30 шагов, сейчас, из-за таяния снега в горах, разлилась так сильно, что казалась шириной в 60 шагов. Ее русло тянется с севера на юг, а исток, как говорят, находится недалеко от *Верхожанского острога* (*Verchojanskij ostrog*) в горах, где проходит важный волок, которым пользуются как русские, так и тунгусы.

Мои люди жаловались, что сундуки с рукописями и другими вещами слишком тяжелые для вьючных лошадей, что приводит к травмам у животных и повреждениям самих сундуков. Иногда веревки рвались, что при пересечении болот и рек могло легко привести к повреждениям. Так как в этом месте была доступна двухколесная телега, ее решили взять с собой: она не затеряется, и осенью должна вернуться в Удинск.

Мы отправились в путь около половины одиннадцатого от реки Курба, двигаясь дальше по маршруту через абсолютно ровную, открытую степь. Однако через 2–3 версты мы, наконец, наткнулись на несколько хвойных деревьев и, соответственно, на прекрасный хвойный лес. Почва была полностью песчаной, и на ней было мало травянистых растений.

Наконец, около четверти первого часа мы пересекли красивое озеро (*озеро*, или *lacum*), расположенное примерно в 1,5 старых верстах от правого берега

реки Уда в степи. Это озеро буряты называли Иммукай-нор. Вода в нем была немного солоноватой, и оно было полно различных видов водоплавающих птиц, среди которых я сразу заметил *Vulpanseres*, *Fulicas*, *Butorios*, *Tadornas Bellonii*, *Querquedula* и других, однако мне не удалось подстрелить ни одну из них.

(*Astragalus pumilus*). Кроме того, я наблюдал здесь на песчаной степи вид *Astragal*, который я назвал *Astragalus pumilus acaulon*, с плотными округлыми соцветиями бело-голубого цвета. Корень длиной почти в спан, толщиной примерно с палец, снаружи бурый, внутри белый, направлен прямо вниз. Листья густо расположены у основания корня, с короткими черешками, длиной всего 0°2'5", шириной 0°0'6", слегка заостренные, не опушенные, зеленого цвета. Цветки находятся между листьями на коротких цветоносах, имеют длинную трубчатую чашечку, типичную для мотыльковых растений, довольно крупные, с длинным белым флагом, голубыми веслами и лодочкой. Пестик с бахромчатым влагалищем превращается в двустворчатый стручок с подвернутыми внутрь створками, напоминающий двойную капсулу и содержащий множество семян.

Также *Pulsatillam Aprii folio luteam*, которая здесь на степи встречается очень редко, хотя вокруг Красноярска наблюдается в изобилии. И еще *Pinum silvestrem vulgarem Genevensis* (J. B[auhini], *Tournefortii* sp. 2), с шишками на вершинах ветвей, по две, направленными вниз и сильно заостренными.

Я записал в журнал все необходимое, привел в порядок свои оставшиеся записи и остался на ночь в надежде добыть несколько редких птиц вокруг этого озера, чтобы на следующий день осмотреться.

14 мая 1724 года

Петер Кратц и служивый Гаврила ранее были отправлены к озеру, дабы пострелять там птиц. Им пришлось взять с собой двоих моих карымских юношей, чтоб окружить озеро и гнать птиц к стрелкам.

Около 10 часов утра один бурят принес мне *Vulpanserem* с черным клювом, черными локтевыми перьями крыльев, хвостом и лапами. Вероятно, это была настоящая *Vulpanserem officinarum*, известная у бурят как *Ханггир* (*Hanggir*), у татар как *Аат* (*Āath*), а у русских как *норовой*, или *турпан*. Это был самец, который после вчерашнего выстрела (см. 13 мая) упал вниз по течению озера и был уже порядком объеден хищными птицами, но все еще весил 38 унций [1140 г] и его следовало обработать и сохранить.

Далее, самка *Vulpanserem*, которая весила 41 унцию 6 драхм и 2 скрупула [1255 г], но не имела характерного для самца ошейника, что было единственным отличием от самца. Она также была сохранена и подготовлена к отправке, хотя, как и самец, была уже сильно повреждена хищниками, упав вниз по течению озера после вчерашнего выстрела, и весила всего 37 унций [1110 г], но также была сохранена.

Обе птицы уже были описаны полностью: первая – в Орнитологии, том 6, № 144, стр. 893, вторая – в том же томе, № 150, стр. 944. Однако я заметил, что многие характерные черты этой утки совпадают с описаниями у Уиллоби и соответствуют моему описанию, и мне бы хотелось сохранить их в более нетронutom состоянии.

Петер вновь подстрелил *Anatem platyrinchon*, самца с плоским клювом, голубыми крыльями и красными лапами, который весил 18 унций 1 драхму, 2 скрупула и 16 гранов [547,21 г]. Он был сразу же описан в Орнитологии, том 9, № 206, стр. 1401. Буряты называли его *Хонно* (Hónno), русские – *плутонос* и *соксун*, а тунгусы – *Каптал* (Káptal).

Около 8 часов вечера пришел сын бультурукского зайсана (см. 8 и 14 апреля) вместе с двумя своими спутниками, чтобы поприветствовать меня.

После того как я отправился к своим слугам, чтобы поесть и переночевать, мои охотники Петер Кратц и служивый Гаврила вернулись с озера около 9 часов вечера. Петер Кратц принес самку *Fulicam maiorem Willughbeji* (Орнитология, том 6, № 149, стр. 936), которая весила 19 унций 4 драхмы и 2 скрупула [587,5 г]. Она полностью соответствовала предыдущему описанию (см. 3 мая) и была отдана на кухню, так как я обнаружил, что, помимо лекарственных свойств против эпилепсии и укусов пауков, ее мясо было вкусным и нежным.

15 мая 1724 года

Определение местоположения у озера Иммукай-нор: географическая широта 53° 13' (0° 10' севернее Удинска).

Рано утром Михайла и Данила были отправлены для обследования леса у озера в поисках птичьих гнезд, в особенности *Ardearum*, *Ciconiarum*, *Vulpanseris*, *Tadornae*, *Clangularum*, *Quattrocchio* и других. Кроме того, если они найдут что-то из трав или плодов, они должны были сообщить мне об этом. Григорий и Герасим также были отправлены в другую часть леса, а Петер Кратц и Гаврила отправились на озеро.

Тем временем я оставался в своем шатре, не в силах удалиться далеко, так как хотел завершить описание *Anatis Platyrinchi* (см. 14 мая) к вечеру.

После обеда я немного прогулялся по окрестностям и обнаружил, что Иммукай-нор очень длинное, почти 2–3 версты, но шириной едва 1,5 версты. Вокруг него была ровная открытая местность, не содержащая настоящей соленой воды, хотя вода все же выглядела очень красной и одновременно нитрозной, с неприятным запахом, характерным для стоячей и болотной воды. В степи все еще оставалась голая почва, и трава едва поднималась на один дюйм, а лес вокруг был сильно выжжен, так что ожидать каких-либо ботанических интересных местностей в этой пепельной местности не стоило.

(*Chamaerhododendros* с гладким, крупным, широким розовым цветком). Примерно в 5 часов вечера Данила принес мне кустарник, который он нашел на каменистом холме, расположенном на берегу реки Уда, и который, как сообщают, цветет обильно. Русские должны называть его *багульник*, и, возможно, это тот же самый вид, о котором упоминал господин Л. Ланге в Селенгинске (см. 14 марта).

Корень этого растения был клубневидно утолщенным, с короткими горизонтальными отростками, почти толщиной с палец. Снаружи он имел темно-коричневый цвет, а внутри был светло-желтым и белым. От корня произрастало несколько прямых, цилиндрических, не искривленных побегов с тонкой эпидермальной корой (почти как у *Peruclymenis*), которая сама по себе была повреждена и отсло-

ена. Кора была серой, гладкой и довольно сухой (тонкой), прочно прикрепленной к твердой желтоватой материи, с сердцевинной, имеющей слабый красновато-ржавый оттенок. Веточки были достаточно частыми, но короткими, с более короткими ответвлениями, расположенными разрозненно. Листья встречались лишь на верхушках веточек, расположены поочередно через короткие интервалы, на коротких черешках, ещё не полностью раскрывшиеся. Листья продолговатые и закругленные с обоих концов, имитирующие эллиптическую форму, с цельнокрайние, толстые, суховатые, жесткие, темно-зеленые, блестящие; снизу светло-зеленые с тусклым оттенком. На ощупь и на запах они напоминали листья лавра. Цветы располагались на коротких черешках и поддерживались маленькой безлистной чашечкой, едва равной размеру шарика (косо) и наклоненными (как будто колеблющимися), насыщенного розового цвета. Они были широко колокольчатые (трубчатые, хотя и минимально сросшиеся), с пятью лопастями. Лопасты были длинными, с закругленными передними краями и центральной жилкой, окрашенные в более темный красный цвет снаружи и слегка ароматные изнутри. Тычинки, поднимаясь из основания цветка, в числе десяти, длинными, наклоненные, красные, у вершины слегка зеленоватые, не желтые. Пестик, расположенный между тычинками в основании цветка, имел длинный столбик, отходящий от удлинённой завязи, которая у вершины делилась на пять долей, образующих подобие рогов и распространяющих крошечные семена (еще незрелые белые). Таким образом, это будет вид *Chamaerhododendri* с гладкими крупными листьями и широким розовым цветком (возможно, *Chamaerhododendros* с бледно-пурпурным цветком *Tournefortii* sp. 4?).

Кроме этого кустарника, он больше ничего не принес, а лишь показал мне гнездо *Corvi vulgaris*, которое также было описано в Орнитологии, том 1, стр. 80.

Петер вернулся с озера поздно вечером и принес мне самца *Ruticillam Cyanobronchitem* (из Орнитологии, том 3, № 78, стр. 432), который весил 4 драхмы 2 скрупула 16 гранов [18,46 г], и который был сразу же высушен на ветру после удаления внутренних органов.

Так как я закончил описание *Platyrynchi* (см. 14 мая) и не мог больше ждать на месте, я распорядился о том, чтобы рано на следующий день продолжить путь. Во имя Бога, я лег спать в час ночи.

16 мая 1724

К горе Тутхалту-хадда (Tutchaltu-chadda).

Рано утром, около 7 часов, моя багажная повозка отправилась дальше. Но из-за сильного ветра, пасмурной и прохладной погоды я решил остаться.

Петер снова отправился к озеру, но ничего не добыл, хотя утверждал, что видел *Columbum caudatum maximum Gesneri*.

Я также слышал неподалеку от своего лагеря воркование диких голубей, но не смог до них добраться.

К полудню погода улучшилась, стало тепло и тихо, поэтому я отправился вслед за своей багажной повозкой с легкими лошадьми, покинув озеро Иммукай-нор.

Примерно в первом часу пришли мои люди и принесли мне гнездо *Ciconiae*

---

spadiceae, с клювом и ногами цвета киновари (an *Ciconia nigra* Willughbeji?), которое, согласно русским источникам (Орнитология, том 4, № 104, стр. 603, и том 2, № 60, стр. 299), называется у татар тобольских *Кара-Кейголок* (Kara-Keigolóck), у татар томских – *Кара-Чулен* (Kara-Tschilèng), у верхнетомских татар Кыштыма – *Чулен* (Tschulèn), а по монголо-бурятски – *Чилинг* (Tschiling). В гнезде находилось четыре яйца, которые также описаны в Орнитологии, том 1, стр. 80.

Я продолжил свой путь, не задерживаясь надолго, но столкнулся с трудностями, связанными с дикими бурятскими лошадьми. Эти лошади были настолько непослушны, что даже сбросили карымского юношу Герасима и служивого Петра Полубенцева из седла, а затем умчались.

К двум часам дня мы вышли из леса на равнину, где почва была выжжена, и затем снова оказались на пустынной и сухой степи, где кроме редкой травы высотой едва в 1,5 дюйма, а также ранее описанных растений вроде *Alysson*, *Androsace*, *Ornithogalum*, *Astragalus*, *Viola rubra* и тому подобных, ничего не было. Повсюду между ними часто растет *Serpillum minus*.

К трем часам дня мы достигли горы Тутхалту-хадда, очень высокой горы примерно в двух верстах по степи от правого берега реки Уда. Я решил остановиться здесь, возле реки, в ивовом кустарнике, чтобы сменить подводы.

Здесь я встретил тангутского *Ламу Карабанди* (Lamas Karabandi) вместе с его заместителем или диаконом по имени *Лоб-Сангтонйот* (Lob-sangtonjot) (см. 14 апреля), который с почестями подскочил ко мне. Он был одет в длинный монгольский или восточный халат из красивого желтого дамаста, с белым мехом ягненка по подолу и отделкой из бобрового меха, которая обрамляла халат по всему периметру. Этот халат был затянут широкой красной лентой или шарфом (*echarpe*) из хлопчатобумажной ткани, длиной около 7 аршин и шириной 1 аршин. Эту ленту все ламы должны носить при своей религиозной практике, обвязывая ее вокруг головы, а затем перекидывая на левое плечо и руку, как мантия, так что оба конца затем свисали вперед через ноги, что также является обычной практикой среди евреев и других восточных народов, как указано в двух замечательных диссертациях ученого Габриэля Гроддекио «De seremonia palmarum apud Ebraeos» вместе с его изображением.

В эту ленту или шарф (*echarpe*) он завернул маленькую тангутскую книгу с печатью, которая удобно располагалась по окружности тела или спины, не повреждаясь. Я просил его о доставке этой книги 14 апреля для собственного изучения и практики тангутского языка. Первым комплиментом ко мне было монгольское «Мэндю? Мэндю?», на что я ответил ему «Мэндю! Мэндю!» (или: Слава Богу! Здоров!), после чего он сразу же, как это принято на Востоке, протянул мне белый шелковый носовой платок, который он ранее прижимал к своему лбу, вытянув его обеими руками. Я принял его с поклоном и затем настоял, чтобы он сел в палатке.

После этого я прочитал с ним несколько страниц тангутского манускрипта (или, скорее, печатной книги), и время почти приблизилось к вечеру.

Мимоходом я узнал от него следующие тангутские наименования: *Лоах* (Lòàh) или, скорее, *Х'лоа* (H'loà) (которое нам, европейцам, почти невозможно произне-

сти и которое почти совпадает с еврейским *Элоха* (Elóha)), Deus, Бог, на монгольском – *Бурхан* (Burchàn); Дьявол – *Чогфша* (Tschógfscha), на монгольском – *Ырлик-Хан* (Yrlick-Chàn); *Corvus vulgaris* – *П'рогжа* (P'rogkà) – ворон; *Cornix nigra* – *Ката* (Katà) – черная ворона; *monedula* – *Джом'ка* (Dschom'ka) – галка; *Rana* – *Бахва* (Bahwà), на монгольском – *Баха* (Bachà) – «лягушка»; *coelum* – *Нам* (Nam) – небо; *bene, recte* – *Всангпо* (Wsangpo) – хорошо, правильно!; *Alauda vulgaris* на монголо-бурятском – *Большамур* (Boldshamúr) – жаворонок; *mons* на монголо-бурятском – *Хадда* (Chaddà) – гора; *fluvius* на бурятском – *Горохон* (Gorochòn) – река; *sol* на бурятском – *Нарранг* (Narràng) – солнце; *lacus* на бурятском – *Нор* (Nor) – стоячее озеро; *angustus* на бурятском – *Нарринг* (Narring) – узкий.

Петер Кратц подстрелил самку *Anatem Boschadem maiorem* (Орнитология том 2, № 38, стр. 173), которая весила 38 унций [1140 г].

17 мая 1724 года

Определение местоположения у Тутхалту-хадда: географическая широта 52°15'. Район *Наррангай-нор* (Narrangai-nor) и *Нарранг-горохон* (Narang-gorochon), юрты *Бультурук-Зайсана* (Bulturuk-Zajsan-Jurten).

Мой слуга Петер Кратц подстрелил «мелкого разбойника», который по описанию является *Lanius minor ruffus pectore mustelino non-circellato*, без белого пятна на лопатке и с черной полосой через глаза (Орнитология, том 6, № 142, стр. 878). Это был самец, весивший 31,97 г, которого предварительно вскрыли и высушили для отправки.

Также он подстрелил *Cuculum maiorem* по Aldrovandi et Willughbeji (Орнитология, том 4, № 108, стр. 629), самец весом 126,25 г, которого тоже вскрыли и подготовили для отправки.

Около половины второго дня я отправился на легких лошадях от Тутхалту-хадда, догоняя свой багаж, и снова встретил все ту же сухую, песчаную и голую степь, как и накануне. Здесь и там росли *Iris humilis angustifolia* с фиолетовыми и желтыми цветками, а также *Astragalus pumilus* с пурпурными цветками.

К пяти часам дня я проехал Наррангай-нор, небольшое озеро, которое лежало слева от дороги, примерно в двух верстах от реки Уда. Оно было свободным и открытым, но не слишком большим. Наконец, к шести часам вечера я достиг Нарранг-горохон, небольшого ручья, впадающего в правый берег реки Уда, и расположенных неподалеку юрт Бультурук-Зайсана.

У них было много скота, в основном овец и ягнят, меньше – коров и лошадей, а также несколько верблюдов. Их юрта была восьмиугольной формы. Стены, сделанные из тонких деревянных реек, были скреплены кожаными ремнями. Над стенами находилась крыша, выполненная в форме усеченного конуса, на которую был натянут толстый белый войлочный чехол. Внутри стены были покрыты шелковой тканью.

Напротив двери находилась их пагода или алтарь идола, состоящая из 3–4 ступеней. На самой верхней ступени располагались идола, выполненные из красной глины и покрытые золотой фольгой, размером примерно с талер. Они были размещены в латунных или медных футлярах и обернуты хлопковой или

шелковой тканью, почти как русские латунные алтари и иконы. На средней ступени в центре стояла латунная китайская лампа, которую постоянно поддерживали горячей. По бокам лампы находились 4–5 маленьких латунных чашек для спиртных напитков, наполненных либо чистой водой, либо чаем, смешанным с молоком и маслом. На нижней ступени стояли такие же чашечки, все они были наполнены водой.

Над этими ступенями и по их бокам висели по три шелковые ленты, свисающие с нижней части треугольных шелковых украшений разных цветов. Мне не удалось выяснить значение числа «три», хотя я расспрашивал их об этом, а также о значении их ритуала *Гурбан-Ирдинэ* (Gurban-Irdinè). В каждом треугольнике была вышита фигура креста из шелка. В центре, над ступенями, висел золотой дамаст, пронизанный шелковыми нитями разных цветов, на котором был вышит расправленный орел из другого шелка, что придавало этой скромной юрте довольно изысканный вид.

В центре юрты, как и во всех других юртах, находился очаг, а по бокам сидели те, кто принадлежит к этому месту. Сначала хозяйева угостили меня араком – спиртным напитком из коровьего молока. Я попробовал его с уважением, и вкус оказался кислотатым. Затем они подали мне тарелку с бараниной, и я с осторожностью ее съел, хотя и знал, что их кухня не такая чистая, как у нас в Европе. После этого старый Бультурук преподнес мне кусок тонкого и некачественного фиолетового дамаста длиной около 6–7 аршин, который я принял и затем вернулся в свой шатер.

Они сопроводили меня до моего шатра и какое-то время сидели со мной. В свою очередь, я угостил их табаком и простой водкой, после чего они вернулись к себе.

18 мая 1724 года

Сильный дождь с ветром и очень холодная погода вынудили меня провести весь день в палатке.

Тем временем Михайла, денщик, отправился за берестой для упаковки высушенных трофеев. К полудню он принес достаточно бересты, но из-за влажности мы не смогли начать упаковку.

После обеда Петер снова пошел к кустам и подстрелил еще одного самца *Cuculum Willughbeji*, который весил 4 унции 2 драхмы и 2 скрупула [130 г], но он был слишком поврежден и не пригоден для хранения.

Вечером меня навестил Лама Карабанди. Он попросил написать письмо селенгинскому приказчику, чтобы его не задерживали, когда он отправится в Ургу. Лама пообещал вернуться через три месяца с книгами о Чингисхане (Tschingis-Chans), Темирлане (Temirlans) и других исторических фигурах, а также с китайскими манускриптами. Кроме того, он обещал привезти названия животных на тангутско-монгольском языке.

Во время его визита я узнал следующие термины: *Aquila Буркут* (Burkut) по-монгольски (*Aquila Pygargus Willughbeji?*) – *Бхлак* (Bhlàck) – разновидность орла; *Aquila Кихчи* (Kychtschi) по-монгольски – *Ссе* (Ssè) – разновидность орла; *Aquila Тарбодже* (Tarbodshe) по-монгольски – *Тангнек* (Tangnèck) – разновидность

орла; *Aquila Karapchar* (Karaptschar) по-монгольски – *Тангкар* (Tangkàr) – разновидность орла; *Falco Teerga* (Teerga) по-тунгусски – *Ча* (Tschà) – сокол; *Vultur Tass* (Tass) по-монгольски – *Кува* (Kúhwa) – гриф; *Noctua Aquilina seu Bubo Шаре-Шубо* (Schare-Schubho) по-монгольски – по русски филин – *Охбе* (Ohbè) – филин; *Psittacus* – *Найцо* (Naïtzo) – попугай; *Pica faria* – на монгольском *Шаджега* – *Рьтеха* (R'techa); *Cuculus* – *Гуяк* (Ggujäck) – кукушка; *Uruira* – *Бубубук* (Bububuck) – удод; *Gallina domestica* – *Хвшахво* (Hwschahwò) – курица; *Tetrao betulina* – *Симо* (Ssimòh) – тетерев; *Phasianus Chorgohl Mongalorum* – *Техво* (Tehwo) – фазан; *Curuca vulgaris* – *Джимо* (Dshimòh) – славка; *Hirundo apus* – *Льхамайик* (L'chamajíck) – стриж.

Позже Петер Кратц, мой слуга, принес куст *Chamaerhododendri folio glabro, flore roseo ampliore* (см. запись от 15 мая), который лама узнал и назвал его *Сурнак* (Ssurnàck) на тангутском языке. Он также принес еще одну кукушку весом 4 унции 1 драхма, 2 скрупула и 12 гранов [126,91 г], но, к сожалению, она оказалась повреждена.

19 мая 1724 года

После полуночи поднялась сильная буря с дождем и пронизывающим холодом, которая продолжалась до 11 часов утра. В таких условиях было невозможно оставаться в палатке или что-либо делать: я все время боялся, что буря ее снесет. Около 10 часов я приказал принести войлочную юрту, которую 10–12 человек без труда перенесли через поле. В этой юрте я, наконец, смог устроиться.

Я сразу же занялся собранными птичьими останками и аккуратно упаковал их в бересту и льняное полотно. Затем принялся за птичьи гнезда: сделал их наброски и обработал, как требовалось. Я также поручил Михайле и Даниле, своим денщикам, сделать деревянные упаковки для гнезд.

Вечером снова пришел Лама Карабанди и сообщил мне следующие слова: *India extra Gangem seu Tangut* – *Тан-хот* (Tang-chot) – Tangchuten [Земля тангутов]; *Camelus* – по-монгольски *Теме* (Temé) – *Нгамо* (Ngamò) – верблюд; *Sol* – по-монгольски *Нарранг* (Narràng) – *Ниима* (Niima) – Солнце; *Luna* – по-монгольски *Сапа* (Ssarà) – *Джава* (Dzàhwa) – Луна; *Stella* – *Карма* (Kar'ma) – звезда; *Iuga montium* – *Речебо* (Retschebò) – горные хребты; *Uruira* – по-монгольски *Уболджен* (Ubooldshèn) – удод; *Chamaerhododendros* (см. запись от 15 мая) – по-монгольски *Чиринге* (Tschiringè), по-русски багульник.

Когда Лама ушел, я сразу сел писать письмо, которое он просил (см. запись от 18 мая), надеясь, что с его помощью смогу получить монгольский оригинал книги «История великого Чингисхана», которая была переведена на турецкий язык и отправлена мною 25 июня 1720 года из Тобольска. Этот лама надеялся сохранить монгольский оригинал для Его Величества.

20 мая 1724 года

Мне пришлось провести этот день в юртах Нарранг-горохон, так как предстояла долгая дневная поездка по безжизненной степи, и от суровой погоды мы могли защититься лишь высушенным конским навозом, который монгольские буряты называют *Аргал* (Argàl).

Я составил для Ламы Карабанди список требуемых книг из Урги, включая китайские, тангутские, монгольские и бухарские книги на *поджитском* (Podjít), или тангутском языке на бумаге следующим образом: [рис. 44] Комиссия, вместе с рекомендательным письмом от 19 мая, была ему доверена, и я также устно порекомендовал ему принести бронзовые идола *Бурхан Сакжатуба* (Burchàn Sackzatubá), которые называются у монголов *Сакамуни* (Sackamunú) а также другие идола из глины или нарисованные на тафте.

После обеда были собраны птицы и яйца, которые должны были быть отправлены в Удинск и присоединены к моим хранимым вещам. Их завернули в бересту и льняное полотно, а мелких птиц и яйца поместили в деревянные коробки. Все это упаковали в бурятский войлок, связали и запечатали. Вот как выглядела спецификация:

Спецификация всех вещей, запечатанных в войлочную упаковку и отправленных в Удинск 20 мая 1724 года Афанасию Федоровичу Рупишеву:

1) *Accipiter Fringillarius*, самка (7 мая), и 2) *Cuculus*, самец (17 мая) – вместе запечатаны в льняное полотно. 3) *Tetrao Willughbeji*, самец (8 мая), и 4) *Numenius Aldrovandii*, самка (10 мая) – запечатаны вместе. 5) *Vulpanser verus Sibiricus*, самец (14 мая), и 6) *Vulpanser*, самка (14 мая) – запечатаны вместе. 7) *Tadorna Willughbeji*, самец (14 мая), и 8) *Anas Platyrinchus erythropus*, самец (14 мая) – запечатаны вместе. 9) *Anas Boschas maior*, самка (10 мая), и 10) *Anas Fuligula prima Gesneri*, самец (11 мая) – запечатаны вместе. 11) *Anas Querquedula Teale*, самец (10 мая), и 12) *Anas Querquedula Kernel*, самец (12 мая) – запечатаны вместе.

Эти 12 птиц были упакованы в 6 льняных пакетов, каждую из которых запечатали. Следующие мелкие птицы были упакованы в 5 деревянных ящиков, каждый отдельно:

13) *Lanius rufus*, самец (17 мая). 14) *Ruticilla cyanobronchites*, самец (15 мая). 15) *Parus caudatus*, самка (8 мая). 16) *Linaria rosea longicauda Kirgisica*, самец (8 мая). 17) *Loxia rubescens*, самец (12 мая).

Также было два ящика с птичьими яйцами, всего 20 штук:

18) Гнездо *Ciconiae spadiceae* с 4 яйцами (16 мая). 19) Гнездо *Cornicus nigrae* с 5 яйцами (9 мая). 20) Гнездо *Picae fariae* с 2 яйцами (8 мая). 21) Гнездо *Moracillae flavae* с 1 яйцом (10 мая). 22) Гнездо *Oenanthes seu Vitiflorae* с 4 яйцами (10 мая). 23) Гнездо *Alaudae vulgaris* с 3 яйцами (8 мая). 24) *Rana officinarum sua sponte exsiccata* (11 мая).

Я также составил список всех вещей, которые были депонированы в Удинске у Афанасия Федоровича Рупишева 5 мая 1724 года в опечатанном амбаре, к которому, согласно меморандуму, 7 мая была запрошена охрана из служивых людей от приказа:

1) Круглый сундук, обтянутый тюленьей шкурой, запечатанный. 2) Белый сундук с бельем и прочим, запечатанный. 3) Такой же сундук со специями и прочим, запечатанный. 4) Такой же сундук с утварью и прочим, запечатанный. 5) Такой же сундук с книгами, математическими инструментами и прочим, запечатанный. 6) Такой же сундук с материалами, запечатанный. 7) Чемодан из телячьей кожи с одеждой, запечатанный. 8) Мешок из холста с 10–12 маленькими мешочками с

Это была демоверсия книги - Экспедиционный дневник Д.Г. Мессершмидта. Забайкалье. Май 1724 года – февраль 1725 года

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34